

Галина Романова

СОБАЧЬЯ РАБОТА
ОДНА НА ДВЕ ЖИЗНИ
УНИВЕРСИТЕТ НЕКРОМАГИИ.
ОТДАМ ПОКРОВИТЕЛЯ В ДОБРЫЕ РУКИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Галина Романова

Университет некромагии.
Отдам покровителя в добрые руки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
ARMA
&
ALFA-KNIGA
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р69

Серия основана в 2011 году
Выпуск 277

Художник
В. Успенская

Романова Г. Л.

Р69 Университет некромагии. Отдам покровителя в добрые руки: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 378 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2428-3

«От сессии до сессии...» Вот и наступила горячая пора для студентов четвертого курса факультета некрומантии. Надо за три дня сдать пять зачетов и подготовиться к практике. А у Лильки Зябликовой свои проблемы — у любимого преподавателя обнаружилась аллергия, и не на кого-нибудь, а на ее, Лилькиного, домашнего кота Левиафана. Девушке грозит отчисление, если она в трехдневный срок не пристроит питомца в надежные руки. Вот только у кота на этот счет свое мнение, и он его еще всем покажет!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Романова Г. Л., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2428-3

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1

Из дневника кота Левиафана

Спит... Разметалась по подушке, одеяло на сторону сползло, а она сопит себе в две дырочки, даже не догадываясь о том, что ее любимый, единственный, неповторимый Левушка уже третий час некормленный!

Нет, на самом-то деле больше, просто я давно уже понял, что с такой подопечной недолго и помереть с голоду и холоду. Кем бы я был, если бы не научился самостоятельно о себе заботиться? Где украдешь, где выклянчишь, где сам добудешь и в заначку спрячешь. А в суровые дни бескормицы достанешь мышку там, куриную косточку или рыбью голову — и, хвала святым котанам, еще пару часов можно продержаться, пока эта дуруха догадается миску наполнить.

Вот, кстати, вчера. Успела накормить меня только двумя завтраками, правда, второй был настолько обильным, что я все еще завтракал, а дверь уже хлопнула. И до обеда ее не было. Вернулась — думал, кормить будет, уже в голодный обморок приготовился падать, а она потрогала мое пузо и насыпала в миску... сухариков. Дескать, в тебе уже девять с половиной кило, давно пора на диету.

Ну, во-первых, не «уже», а «пока». Мне еще на два кило надо поправиться, потому что через каких-то полгода зима, а там оглянуться не успеешь — березень¹ наступил. И пусть только попробуют меня удержать! Стекло вместе с рамой выбью, как в прошлый раз, но праздник состоится! Так что ее диетические сухарики я закопал, да еще и сверху выразил свое к ним отношение...

Как выяснилось, зря. Ибо эта красавица задержалась чуть ли не до полуночи. Вернулась никакая, по стеночке. Долго пыталась меня поймать и что-то объяснить, но, голодный и вы-

¹ Первый месяц весны, соответствует нашему марту. — *Здесь и далее примеч. авт.*

нужденный обратиться к значкам, я на провокации не поддался и из-под кровати вылезать отказался. В результате с громким: «Жрать захочешь — сам полезешь!» — она высыпала кучу колбасных обрезков... как раз на мою «скульптуру» из сухариков и, так сказать, раствора, затвердевшего к тому моменту не хуже камня. Закопал и это тоже, после чего с тоской пошел дожевывать свои припасы на черный день. Нет, так-то я всеядный, хлеб и огурцы запросто могу сжевать, но на то, что оказалось в моей миске, даже отчаянные общежитские тараканы не польстятся, не то что я!

И вот уже три часа, как припасы закончились, а эта красавица все дрыхнет! Ну и что, что пять утра! А у меня режим. Первый завтрак всегда в пять часов, второй — в семь, третий — то, что не доел от второго, плюс то, что удалось добыть на столе. Потом обед и два ужина плюс ночной перекус. Я уже привык...

И вот мой режим летит в преисподнюю. Святые котаны! Да если бы не моя любовь и всепрощение, давно бы уже накатал жалобу в общество защиты животных...

Но ничего, я и сам с усам. Я отомщу. Мечь — это блюдо, которое подают в тапки. Ну не совсем в тапки, а в туфли. Вот в эти, черненькие, стильные, ее любимые...

И кто только такой дизайн придумал? Наверное, у него личные комплексы или детская травма сказала. Потому как что это за туфли? Одна подошва и несколько ремешков! Как сюда свои дела делать? Вот, помню, у бабушки в деревне какие были деревянные башмаки! Мы, весь выводок, пять мальчишек и две девчонки, в один могли ради «этого дела» залезть, и никто никому не мешал. А тут... Даже мой знак протеста в одну туфельку не влез, пришлось срочно, не прерывая процесса, пересаживаться во второй. Зато успел. Фык-фык-фык!* Пусть теперь попробует их надеть!

Так, теперь этап второй. Одежда. Форменный сарафанчик, серая блуза, накидка. Все уже разложено, приготовлено... для меня.

Так... И в этом она ходит на учебу? Все тоненькое, ветрами продуваемое... Сейчас мы тебе натуральной шерсти добавим, для тепла. Я как раз линяю, а рыжее на темно-синем и светло-сером прекрасно заметно. Му-у-ур... Вот так! Жаль, я не белый и не настолько пушистый! На темном фоне светлое как прекрасно бы смотрелось, а так... придется брать количеством.

*Это я так смеюсь. А вы что подумали? — *Примеч. кота Левиафана.*

Покатаюсь я, поваляюсь, хозяйкиного мяса наевшись... Тьфу ты, какое мясо, одна кожа да кости, диетами для похудения искалеченные! Но покататься и поваляться на разложенной с вечера институтской форме просто обязан.

А неплохо получилось! Креативненько!

Так, что там у нас? Колокол? Никак побудка? Сколько-сколько времени? Уже семь утра? Да вы с ума сошли! Пусть поспит, бедненькая. Ей на учебу только к восьми, а она и так умается. Ей ведь и туфельки отчищать, и сарафанчик вытряхивать, и голодного Левушку два раза покормить придется. Так что вот так, осторожненько подушку на ушко навалим — и вот колокол у же не слышен.

Замолчал? Уф, хорошо! А то устал подушку за угол держать зубами. Тэк-с, чем бы заняться? Поиграть, что ли? Что там у нас на письменном столе? Учебники и конспекты! Надо вещи убирать, не придется их искать! Самой-то ей некогда, приходится Левушке стараться... Нет, книги рвать мы не станем, они казенные. А вот этот пергамент, вдоль и поперек исписанный, явно не нужен. А шуршит-то как чудесно! Это же для меня создано!

Скатал его в шарик и, погоняв немного по комнате, затолкал в дальний угол. Пусть теперь помучается, доставая из-за паутины. А то мои заначки она каким-то образом находит, а что-то полезное — ни разу.

Так, сколько там времени? Без четверти восемь? Надо же как время пролетело! Опаздывает, красавица. Ну да мы не звери, разбудим!

На а-абордаж!

— Мя-а-а-а...

— А-а-а-а!

Лилька вскочила, резко садясь на кровати и размахивая руками, как ветряная мельница. Рухнувший ей на грудь толстый рыжий кот с диким мявом шарахнулся прочь, заодно когтями задних лап прихватив и часть одеяла, которое сползло на пол.

— Левка! Скотина! — с чувством высказалась девушка. — Ты что творишь?

— Урр-ряу, — донеслось откуда-то из-под кровати.

— Ах ты... А? Что?

До Лильки внезапно дошло, что за окном как-то чересчур светло. Она невольно замерла, озираясь по сторонам:

— А... сколько времени?

— Мр-ря-а-а... — послышалось злорадное.

— Бес! — взвыла студентка, вскакивая и принимаясь метаться по комнате. — Проспала! Ужас! А ты почему не разбудил?

— Умр-ряу?

Отмахнувшись от кота, Лилька торопливо схватила блузку — и выругалась, заметив, что светло-серый лен усыпан рыжеватыми волосками всех оттенков — от золотистого до коричневого.

— Левка! Скотина!

От досады девушка чуть не расплакалась и торопливо принялась отряхивать блузку. Доставать другую было некогда — больше времени потеряешь. Да если еще окажется мятая или грязная... Уж лучше так. Уф, вроде почти незаметно.

Пока она чистила сарафан, кот вылез из-под кровати и принялся тереться о ее ноги, надрывно мяукая и намекая на то, что его вообще-то положено кормить.

— Сейчас-сейчас, — отмахивалась Лилька, встряхивая сарафан. Рыже-желто-бурые волоски разлетались по комнате в разные стороны. — На, подавись!

Кусок рыбы шлепнулся в миску. Кот ненадолго отвлекся, зачавкал честно выклянченным завтраком и аж подпрыгнул, когда раздался визг:

— Левиафа-а-ан! Ну как это понимать? Во что ты превратил мои туфли?

Фык-фык-фык...

— Ну вот и в чем мне теперь идти? Неужели придется переобуваться в эти ужасные ботинки...

Однако времени оставалось слишком мало. Быстро сунув ноги в ботинки, купленные мамой к началу холодного сезона, но так ни разу и не надеванные, Лилька не глядя покидала в сумку разложенные на столе книги и тетради, быстро проверила, на месте ли перо и чернильница и...

...споткнулась о кота.

— Левка! Ты чего?

— Мур-ряу-ряу-уа-а-ау... — жалобно простонал он, распластавшись на полу огромной пушистой морской звездой.

Девушка мигом забыла о том, что куда-то спешила, и опустилась перед ним на колени:

— Левушка? Левиафанчик? С тобой все в порядке?

— У-ау, — из последних сил выдохнул кот и выразительно покосился куда-то серо-зеленым глазом.

Проследив за направлением его взгляда, Лилька обнаружила совершенно пустую миску. То есть миска не была так уж пу-

стой. На дне оставалось несколько сухариков, украшенных высушенными следами чьей-то жизнедеятельности.

— Фу, какая гадость! Это ты сделал?

Кот покосился на нее одним глазом и скривился: «Как ты могла такое подумать? Я отлично знаю, где находится лоток, и перестал путать его с ковриком для ног еще пять лет тому назад!»

— Хорошо. — Лилька встала на ноги. — А где рыба?

Кот испустил вздох мученика, пытаемого голодом и жаждой.

— Рыба, Левка, — напомнила девушка. — Тут лежал кусок рыбы!

Кот выразительно покрутил мордой: «Рыба? Какая рыба? Тут со вчерашнего дня валяется только эта вониючая гадость, на которую приличному коту даже смотреть-то совестно!»

— Ну, Левка! — простонала девушка. — Я же опаздываю!

Кот попытался встать на лапы, но упал и так правдоподобно изобразил голодный обморок, что Лилька вздохнула и смирилась. Но, вместо того чтобы помыть кошачью миску, она просто шлепнула на вторую тарелку новый кусок рыбы и устремилась к двери.

— Ешь!

Последнее, что она заметила прежде, чем переступить порог, был рыжий кот, который, не прерывая обморока, медленно полз к вождленному куску.

Колокол, который сигнализировал о начале занятий, Лилька услышала уже на ступеньках общежития и тихо выругалась. Опоздала! Так и знала. Счастье еще, что студенческий городок — три общежития для студентов и аспирантов и пять коттеджей, в которых обитали преподаватели, — находился рядом с университетом. Достаточно было пробежать мимо всех коттеджей и обогнуть столовую с примыкавшими к ней теплицами.

К сожалению, по иронии злой судьбы корпус, в котором у ее курса сегодня были занятия, находился дальше всех, так что к тому моменту, как Лилька добралась до аудитории, лекция шла уже четверть часа.

На робкий Лилькин стук обернулись все — и профессор теологии пра¹ Гонорий, и студенты.

— М-можно?

¹ Обращение к священнику, от слова «правь», сиречь правильный, настоящий.

— Какое счастье, дочь моя, что вы соизволили почтить нас своим присутствием, — пробасил тучный профессор. — Мы уж не чаяли, что еще раз увидим ваш светлый облик в этих скромных стенах...

— Я н-нечаянно, — пролепетала Лилька.

— Это ваше «нечаянно», студия Зябликова, повторяется так часто, что я начинаю верить в то, что вы имеете что-то против моего предмета. Надеюсь, вы не забыли, что нынешняя лекция отнюдь не последняя и после практикума нам еще предстоит с вами теплая встреча на экзаменах?

Теология и космогония с некоторых пор входили в число предметов, которые в обязательном порядке включались в экзаменационные билеты. Возглавлявший кафедру теологии пра Гонорий был не из тех, кто забывает долги.

— Я помню, — вздохнула девушка.

— Сомневаюсь, дочь моя, — поджал губы теолог. — Из-за чего вы проспали на сей раз?

— Из-за кота, — прошептала она. Не признаваться же в том, что вчера отмечали день рождения подруги с факультета целителей! Благодаря эликсирам, которые именинница раздала всем гостям, обошлось без похмелья, но какой в этом смысл сейчас, если она проспала, опоздала и вообще...

— Из-за кота? У вас есть кот?

Лилька обреченно кивнула. Не заметить толстого рыжего кота было трудно. Побочным эффектом его присутствия становилась периодическая пропажа продуктов из кладовки, а также резкое увеличение поголовья рыжих котов во всем районе. Зато мышей и крыс для лабораторий приходилось чуть ли не из другого города поставлять, настолько редкими животными они стали в этом районе Зверина.

— Ваш куратор в курсе, что вы держите в общежитии... животное?

Лилька кивнула, надеясь, что пра Гонорий не побежит к профессору телепатии мэтрессе Деборе Шмыговой по прозвищу Мозгошмыг за разъяснениями. Иначе всем станет ясно, что студентка врет.

— Ну, если так... садитесь, студия Зябликова. Однако ради вас я не намерен возвращаться к началу и повторять то, что вы должны были записать и понять с первого раза! Итак, продолжаем: «Таким образом выходит, что мироздание обладает самостоятельным регулирующим механизмом своей дея-

тельности, которая косвенным образом воздействует на все окружающее...»

Студенты прилежно заскрипели перьями. Лилька вздохнула, бочком пробираясь к скамьям.

— Иди сюда! — Сидевший с краю на втором ряду парень подвинулся, освобождая ей место. — Я тебе занял...

— Спасибо. — Девушка устроилась рядом. — О чем лекция?

— Не переживай, я тебе дам списать. — Парень улыбнулся и снова застрочил пером.

— Спасибо, Валь.

Лилька устроилась рядом, развернула стопку на живую нитку сшитых листов и начала писать, особенно не стараясь поспеть за лектором. Рядом уверенно строчил Валька, и девушка полностью понадеялась на него. Валька и лекцию даст списать, и на экзамене подскажет, и вообще... Хороший он друг, Валька.

На самом деле он, конечно, не Валька и даже не Валь, а граф Вальтер фон Майнц, да еще из тех самых фон Майнцев, а именно из династии, приближенной к королевской семье.

Когда на курсе узнали, что с ними будет учиться настоящий герцогский сынок, у девчонок разом отвалилась челюсть. И русоволосого улыбочивого паренька рассматривали, как иноземную диковинку. И дело не в том, что выходцы из аристократии редко становились студентами. Ведь все знали об указе, запрещающем представителям некоторых знатных семейств обучаться некромантии. Король-некромант на троне или даже некромант в числе королевских советников — это катастрофа. Вальтеру фон Майнцу пришлось долго объяснять, что он тут ни при чем: «Я ведь не настоящий фон Майнц, а только наполовину...»

Вальтер был третьим сыном, а его матушка была второй женой герцога фон Майнца. По происхождению она была намного ниже супруга, титул баронессы ей приписали, чтобы совсем уж не позорить семейство, а родители ее происходили из династии ювелиров. Сам Вальтер от этого ничуть не страдал, и довольно скоро девушки поняли, что он такой же парень, как и все остальные. И даже учится лучше многих, всерьез собираясь уйти в науку. Лилии Зябликовой такой поворот дела очень нравился: помешанный на науке Валька вполне устраивал ее как друг, ходячая энциклопедия, помощник и советчик во всех щекотливых вопросах. Сейчас вот он выручит ее с лекцией, а потом... кто знает, на что еще может понадобиться хороший и верный друг! Они с Вальтером дружили чуть ли не с первого

курса, и девушка успела к нему привыкнуть. В такого можно было и влюбиться — красивый, умный, добрый, верный, честный, знатный, без недостатков, но...

Но сердце девушки уже было занято другим. Эх, где-то он сейчас? Сколько еще минут им ждать встречи?

— Студиозус Зябликова!

Девушка аж подпрыгнула. Перо дрогнуло в руке, и с его кончика сорвалась жирная клякса, упав точно на середину листа.

— Студиозус Зябликова. — Пра Гонорий смотрел на нее в упор, скрестив руки на обширной груди. — Извольте поведать аудитории, о чем таком интересном вы задумались, что интереснее лекции? Между прочим, все, что я говорю, будет на экзамене!

Девушка медленно поднялась.

— Я... задумалась... задумалась... о том, что вы говорили, — пролепетала она.

— Вот как? И о чем же конкретно? Какое место в моей лекции вызвало у вас столь живейшей интерес? Сообщите. Может быть, ваша мысль достаточно оригинальна для того, чтобы мы обсудили ее всем курсом?

Пытаясь оттянуть неизбежное, Лилька обвела взглядом сидевших рядом парней и девушек, как бы размышляя, стоит или нет доверять им то, что лежит на сердце. На самом деле она отчаянно ждала — не подскажет ли кто-нибудь ей ценную мысль.

И ценная мысль пришла. Именно как мысль: «Влияние нашего разума на совершающиеся события обратно пропорционально масштабу этих событий...»

— Влияние нашего разума на события, которые совершаются обратно пропорционально в масштабе Вселенной, — послушно забормотала Лилька, — они как бы... ну... э-э... влияют...

Валька рядом с ней тихо застонал сквозь стиснутые зубы.

— Очень интересно. — Пра Гонорий сошел с кафедры. — И как вы можете это интерпретировать?

Уже догадавшись, кто подсказывает ей с помощью телепатии, девушка тихо наступила Вальтеру на ногу под столом. Он прикусил губу, но не дрогнул.

«Это означает, что чем масштабнее событие, тем меньше наше влияние на совершаемое событие», — пришла от него мысль.

— Это означает, что масштабное событие — оно меньше, чем...

— Чем что?

— Чем... чем совершаемое событие!

Тут и там послышались смешки.

— Милая девушка, вы хотя бы дословно повторяли то, что вам телепатируют, а не пытались импровизировать, выдавая ваш лепет за собственные умозаключения, — сказал профессор. — Тем более что молодой человек искренне пытается вам помочь, а вы...

Валька сидел красный как рак, но мужественно не опускал взгляда под перекрестным огнем любопытных глаз.

— Присаживайтесь, студиозус Зябликова, — вздохнул пра. — А вам, молодой человек, я хочу еще раз напомнить, что экзамены будут проходить в аудитории, защищенной от мысленного воздействия. Так что вашей прелестной соседке придется переступить через себя и все-таки выучить мой предмет.

Теперь покраснела и Лилька, плюхнувшись на место.

— Ты не мог думать потише? — шепотом напустилась она на Вальку.

— Как умею, так и думаю. Прости, — извинился он. — Я хотел, как лучше...

— Он теперь меня точно живьем на экзамене съест.

— Авось не съест. До экзамена еще полгода, — обнадежил парень. — Авось забудет...

Но Лилька покачала головой. Память пра Гонория была притчей во языцех.

А тот уже как ни в чем не бывало продолжал диктовать лекцию, и Вальтер снова принялся писать. Вздохнув, девушка отложила испачканный кляксой лист и тоже начала выводить букву за буквой. Но мысли ее витали по-прежнему далеко, и колокол, знаменующий завершение занятия, она даже не сразу услышала. Опомнилась, лишь когда вокруг все задвигались, как попало пихая пергаменты в сумки, пряча перья в футляры и торопясь к выходу.

— Студиозус Зябликова, если вы думаете, что я собираюсь продолжать диктовать что-то специально для вас, то вы ошибаетесь, — раздался рядом голос пра Гонория. — Сейчас сюда придут первокурсники... Хотя мне почему-то кажется, что тему «Мифы весенне-летнего природного цикла» вам тоже нужно повторить. Уж если вы за три минуты забыли все, мною сказанное, то наверняка не помните то, что было три года назад.

Девушка сорвалась с места.

Вальтер ждал ее в коридоре, переминаясь с ноги на ногу.

— Пошли? — только и спросил он.

— Пошли, — кивнула Лилька. — Что у нас сейчас?

— Лекция по некромантии. А потом еще практическое занятие по нежигитоведению.

Некромантия! Лилька задохнулась. Как она могла забыть? На сегодняшней лекции произойдет то, что весь курс ждал уже несколько недель, с тех пор как было объявлено о дате начала преддипломной практики. Лишь одна мысль сбила ее с тревожно-романтического настроения:

— Слушай, а ты домашку по нежигитоведению сделал?

— Реферат «Жизненный цикл истинного оборотня»? Ага.

— Дашь списать?

— Конечно. Только... ты это... ну... — замялся парень.

— Да ты что, Валь? — Лилька остановилась, хлопнула ресницами. — Думаешь, я на тебе до конца учебы выезжать буду? Я ведь учу. Честно-честно! А это... просто мы день рождения вчера отмечали, вот я и забыла.

Она скорчила умильную гримаску и улыбнулась, отлично зная, что Вальтер за ее улыбку в лепешку расшибется. Хороший он все-таки парень, безотказный. Все сделает, главное — правильно попросить.

Вот и сейчас он вздохнул, прикусил губу...

— Ладно. — И полез в свою сумку.

— Ой, спасибо! — Лилька жадно выхватила из его руки несколько перевязанных бечевкой пергаментов. — Ты настоящий друг! Я тебя даже поцелую... потом. Если захочешь!

Судя по лицу парня, он этого хотел. Очень-очень. Но вздрогнул, обиженно заморгав, когда Лилька, развернув пергаменты, возмущенно протянула:

— Ну ты и дурак! Вот на кой ляд ты столько написал? Тут же пять... нет, шесть страниц! Да разве я это за полчаса все скопирую? Не мог покороче? Вот дура-ак... Мне же неуд влепят! И это в конце семестра! Ой, Валька, ты меня убил!

Девушка чуть не расплакалась, и парень тихо потянул у нее из руки пергаменты:

— Я могу сократить.

— Когда? Через полчаса начнется занятие, а нам еще в соседний корпус топать!

— Я успею, — набычился он. — Ты не сомневайся!

— А почерк?

Он глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду:

— Ничего, что-нибудь придумаю!

— Ну смотри, — смилостивилась Лилька, — я в тебя верю!

Она еще на позапрошлом курсе поняла, что на Вальку всегда можно положиться. Можно не писать лекцию от слова до слова, можно не стараться учить домашнее задание. Можно даже вообще его не делать — Вальтер фон Майнц всегда рядом, всегда поможет, подскажет, выручит. И верный к тому же. Эх, если бы!

2

Преподавателя некромантии любили все девушки всех курсов. Нет, даже так — боялись, боготворили и обожали, несмотря на его неизменную холодность. Сын ректора, синеглазый тридцатипятилетний Виктор Вагнер умел очаровать любую, хотя и не спешил пользоваться служебным положением. Он происходил из рода Вагнеров и преподавал некромантию уже в третьем поколении. Его дед, Рихард Вагнер, прославился не только тем, что сменил своего предшественника — ректора, заслужившего звание бессменного, но и тем, что именно при нем Колледж некромагии стал Институтом некромагии. Он оставался ректором института буквально до самой своей смерти, после чего пост занял его сын Виктор Вагнер-старший, по материнской линии происходивший из старинного герцогского рода Ноншмантаней. Младший брат нынешнего ректора входил в королевский совет, и пять лет назад именно это помогло институту стать Университетом некромагии, а Виктору Вагнеру-младшему занять пост не только декана факультета некромантии, но и заведующего кафедрой ведущей дисциплины на курсе. Правда, как всегда, нашлись злопыхатели: мол, профессор Вагнер слишком молод для такой должности, но, когда твой отец ректор, твой прадед — герцог, а твоя двоюродная сестра помолвлена с принцем крови, внимания на подобные выпады можно не обращать.

Белокурый плечистый красавец-преподаватель легко, словно танцуя, вошел в аудиторию и буквально запрыгнул на кафедру. Несмотря на порывистые движения, он не был ни развязным, ни резким. Остановился, обвел аудиторию пристальным взглядом. Поразительно похожий на своего деда, портрет которого висел в Зале Славы на первом этаже главного корпуса, он отличался от предка лишь тем, что никогда не носил ни бороды, ни усов и выглядел гораздо моложе своих лет.

— Здравствуйте, господа студиозусы, — прозвучал негромкий голос. — Сегодня последняя лекция перед вашим отъездом на практику, и посвящена она будет технике безопасности. Основное скажу вам я, но кураторы, которые будут сопровождать некоторых из вас, наверняка захотят добавить что-то и от себя. Зачет по технике безопасности каждый из вас завтра сдаст своему куратору. Пока же вас решили распределить таким образом...

Лилька затаила дыхание, как и все девушки курса. Преддипломная практика предполагала выезд за пределы города на целых два месяца. Студенческие группы обычно были небольшими, по три-четыре человека и один сопровождающий куратор. Как правило, в роли кураторов выступали лаборанты и аспиранты, но иногда подвизались и преподаватели, если лаборантов на всех не хватало. И всем сейчас было интересно, кто в какой группе окажется, а также — решит ли сам завкафедрой оказать честь быть у кого-то куратором.

— Итак... — Профессор чуть ли не из воздуха выхватил длинный список. — Студиозус Белла, студиозусы брат и сестра Борец, студиозус Бурякова — к аспиранту Двойчеку. Студиозус Вайс, студиозус Варяжко, студиозус Витек — к аспиранту Ковальскому...

Лилька скрестила пальцы наудачу и едва не застонала, когда неожиданно прозвучало громом с ясного неба:

— Студиозус Земниц, студиозус Зябликова, студиозус Иржинец, студиозус Кралов, — вам повезло, вас забираю лично я...

— А-а-а-ах, — чуть ли не хором выдохнули все восемь девушек курса. Громче всех стонали две из них — сама Лилька и красавица Анна Белла, происходившая, между прочим, из семьи потомственных некромантов. Одна стонала от восторга, другая — от зависти, поскольку выезд самого завкафедрой на преддипломную практику до последнего момента был под вопросом.

— Поздравляю, — немного натянуто улыбнулся Вальтер.

— Спасибо. — Лилька прижала руки к груди, чтобы унять бешено бьющееся сердце. Особенно распирало ее от восторга еще и потому, что в группе она оказалась единственной девушкой, а это значит, что целых два месяца у нее не будет конкуренток. И уж тогда... — Я сейчас умру от счастья.

— Только попробуй, — проворчал Вальтер. — Этим ты только всех остальных порадуешь. И Анну особенно.

Лилька обернулась. Сидевшая в четвертом ряду Анна Белла побагровела, на глазах у нее блеснули злые слезы. Она сердито кусала губы и нервно сжимала и разжимала руки. Перо в ее пальцах уже превратилось в жалкую былиночку.

— Да уж.

Лильку охватило приятное чувство превосходства, и она посмотрела на посрамленную соперницу с гордостью.

Профессор продолжил читать лекцию, но его уже слушали не так внимательно. Самое главное было сказано, счастливы ли определились. Вальтер лишь пожал плечами, когда его вместе с тремя другими студентами — двое парней и еще одна девушка — распределили к единственной на кафедре женщине-некроманту, младшему преподавателю госпоже Ядвиге Ленской.

— Итак, — наконец отложил стопку листков профессор, — вы все, надеюсь, запомнили, кто с кем из кураторов будет работать. После занятий просьба отправиться к ним на встречу. У них вы получите список заданий, которые вам предстоит выполнить на практике, а также список литературы и нужных вещей, которые необходимо взять с собой в дорогу. Скорее всего, выдвигаетесь в понедельник утром, но насчет точного времени и конечной точки маршрута каждой группы распространяться не хочу. Все это будет строго индивидуально. Главное, что вы должны запомнить, — это всегда и во всем слушаться своих кураторов. На время практики именно они становятся вашими родителями, начальством, хозяевами, богами, и именно их надо будет почитать, слушаться, уважать и так далее.

Девушки только вздохнули, внимая наставлениям Вагнера-младшего. Лилька прикусила губу, чтобы не закричать от радости. Два месяца! Два месяца практически наедине с любимым преподавателем! Слушаться его? О да, она будет слушаться. Она уже готова слушаться. Все что угодно! Он непременно ее заметит, оценит, поймет ее чувства к нему.

— И самое главное, — продолжал профессор, — никакой личной инициативы. Я не могу сказать наверняка, с чем вам придется столкнуться на практике. Не могу предсказать, что приготовили вам мои коллеги — будет ли это простая прогулка по окрестностям столицы или путешествие к заброшенным святилищам древних богов. Но, что бы вам ни выпало, вы должны это принять и постараться справиться с заданием как можно лучше. Это — понятно?

Аудитория вразнобой загудела — мол, да, все понятно. Громче всех раздавались голоса парней — в отличие от девушек, они не питали нежных чувств к преподавателю. Им просто хотелось на практику, чтобы поскорее проявить себя.

— Отлично. — Профессор Вагнер посмотрел на песочные часы, стоявшие на кафедре. — В таком случае можете быть свободны. И, поскольку до конца лекции больше четверти часа, думаю, с моей группой мы сможем позаниматься прямо сейчас.

Лилька чуть не завизжала от восторга. Неужели ее желание исполнится так быстро? Сейчас все уйдут, останутся только Виктор Вагнер, она и... Мальчишки не в счет.

Студенты зашевелились. Парни выходили быстро — четверть часа свободы — это щедрый дар, которым грех не воспользоваться. Девушки медлили. Анна Белла трясущимися руками пыталась собрать сумку, но без конца роняла то бумагу, то перья, то учебник или чернильницу. Когда же чернильница упала во второй раз, она расплакалась и рухнула на стол, пряча лицо в ладонях. Отчаяние ее было столь велико, что остальные студенты сочувственно вздыхали, а ближайшие подруги, Людмила Монс и Яна Терчева, сели рядом, обнимая девушку за плечи и пытаясь утешить. Но это привело лишь к тому, что Анна зарыдала в голос, размазывая по щекам слезы вместе с косметикой.

Лилька поморщилась и гордо усмехнулась. Проигрывать надо уметь. Анна и так все годы считалась первой красавицей не только их курса, но и всего потока и шла по жизни, твердо веря, что все ей удастся легко и быстро. Что ж, милая, получи! Жизнь состоит не только из праздников. Будни случаются намного чаще.

Задержался и Вальтер. Парень так тщательно все укладывал в сумку, что Лилька не выдержала:

— Ты куда не опаздываешь?

— Нет, а что?

— Ну в столовую иди.

— Так ведь еще есть время...

— Ну и отлично. Потом все набегут, а ты приди пораньше и займи нам с тобой местечко. У окошка, ладно?

Парень вздохнул.

— Но я хотел...

— Куда-то пойти? Тогда тем более беги! Если опоздаешь и нигде не успеешь, будет хуже. Да иди же ты! Я и без тебя до сто-

ловой доберусь, ага? Кстати, ты не забыл, что хотел еще для меня домашку по нежитеведению переписать?

— Не забыл. — Вальтер, помявшись, отправился к выходу. — Только ты не опаздывай в столовую, хорошо?

— Примчусь как ветер! — Девушка послала ему воздушный поцелуй. — Закажи мне блинчики! Я, в отличие от некоторых, не боюсь потолстеть!

Сказано это было намеренно громко, чтобы некоторые оставшиеся в аудитории девочки пошли красными пятнами от зависти. Лилька действительно могла позволить себе есть все подряд в любом количестве и держать себя в форме. Не то что та же Анна Белла, которая постоянно следила за размером талии, изнуряя себя то диетами, то специальными комплексами тренировок, или Яна Терчева, от лишней конфетки мигом покрывающаяся прыщами.

Удар попал в цель. Анна Белла взвыла особенно трагично. Настолько, что Виктор Вагнер поднял голову, оторвавшись от своих записей:

— Что с вами, студизус Белла? Вам нехорошо? Что случилось? Получили известие из дома?

Девушка отчаянно помотала головой.

— Вам плохо? Вы боитесь ехать на практику? Как же так? Дочь потомственного некроманта, внучка знаменитого Йожа Беллы — и боится практики? Обо всем будет доложено вашему куратору.

— Я не... не... — всхлипнула Анна. — Это совсем не то. У меня... болит... живот.

— Ах вот как? Пригласить целителей?

— Нет. — Девушка помотала головой. — Я потом... сама... посижу немного, а потом...

— Сидите, — кивнул профессор. — А вы что? — обратился он к ее подругам. — Останетесь и поможете ей? Похвально.

Людмила и Яна энергично закивали. Они бы тоже отдали что угодно за возможность побыть рядом с обожаемым преподавателем.

— Однако, если опоздаете на встречу с кураторами, вам придется объясняться с ними самостоятельно, — несколько отрезвил их Вагнер. — Дружба — это прекрасно, особенно столь редко встречающаяся дружба между девушками, но и учебу никто не отменял.

Девушки энергично закивали, забормотали наперебой, что они постараются все успеть. Лилька слушала их с гордым ви-

дом. Пусть себе сидят тут, сколько влезет! Все равно на практику они поедут в разные места и не увидятся долгих два месяца. А потом их ждет написание диплома, и учиться они станут лишь три дня в седмицу, готовясь к экзаменам, остальное время встречаясь со своими кураторами или занимаясь самоподготовкой. Этого времени должно хватить, чтобы окончательно расположить профессора некромантии к себе.

— Ну а вы, господа студиязусы, — обратился тот к счастливицам, — присаживайтесь поближе. Студиязус Зябликова, прошу сюда.

Лилька вспорхнула с места, уже чувствуя себя на седьмом небе от счастья. Он ее выделил! Конечно, можно было счесть это простой любезностью, ведь она в группе единственная девушка, а может быть... Чем бесы не шутят? Ради красивых глаз профессора девчонки пускались на разные хитрости. Одни, как Анна Белла, зубрили некромантию так, что сами могли заменять наставников первых курсов. Другие прикидывались глупее, чем есть на самом деле, и просили Виктора Вагнера оставить их после занятий, чтобы тот индивидуально объяснил им трудные места. Третьи подчеркнуто игнорировали сам предмет, считая, что это преподаватель должен за ними бегать, чтобы заставить полюбить некромантию. С последним было хуже всего: тех, кто осмеливался идти по этому пути, либо отчисляли, либо переводили на другие факультеты. В итоге три девчонки оказались среди целителей, а еще одна отправилась учиться на ведьмачку, оказавшись на том потоке единственной девушкой.

Лилька играла роль «способной, но плохо собранной». Иногда она выдавала действительно отличные ответы и все практические задания выполняла на «отлично», но бывало, когда ее спрашивали, краснела, запинаясь и со слезами на глазах утверждала, что «знала, но забыла».

Счастливицы пересели на первую парту. Анна и ее подруги тоже попробовали придвинуться ближе, но профессор махнул им рукой:

— Нет-нет. Вы оставайтесь на местах. То, что я скажу своим подопечным, вряд ли пригодится вам. Ваши кураторы проведут с вами отдельную беседу. И даже темы для дипломных работ у вас будут заведомо разные.

Уже вскочившая с места Анна опять плюхнулась на скамью. Подруги поддержали ее под локти, пытаясь утешить, но сами при этом выглядели такими расстроенными, что настроение у Лильки подскочило до небес.

— Чему вы так улыбаетесь, студия Зябликова? — тут же поинтересовался Виктор Вагнер.

Девушка, подавив желание ответить: «Тому, что вижу вас, профессор!», напустила на себя важный вид и сказала:

— Я так долго ждала этой практики! Наконец-то мы можем показать, кто из нас на что способен!

— Да, — кивнул профессор, и лицо его дрогнуло, озаряясь тенью улыбки, — именно практика — главное, что делает некроманта некромантом. Можно всю жизнь просидеть в четырех стенах и проштудировать всю библиотеку университета, но спастись перед первым в своей жизни умертвием или не суметь даже отличить упыря от вампира. А можно почти ничего не читать, но справляться с нежитью одной левой. Правда, тут следует принимать во внимание и природный уровень силы, хотя и эта сила без постоянных тренировок и опять-таки практики может ослабнуть. Но относительно слабую силу практика поможет развить. А большую силу, наоборот, можно без практики растерять.

Девушки — все присутствующие в аудитории — слушали его с открытым ртом. Лилька даже подалась вперед, затаив дыхание и невольно выпятив грудь.

— Вас четверых я выбрал для себя именно по этой причине. У вас у всех недостаток именно в отсутствии практики. Ваши способности нуждаются в дополнительном стимулировании...

Лилька опять улыбнулась. Эх, знал бы профессор, насколько двусмысленно прозвучали его слова!

— Многочисленные занятия на кладбище, а для иногородних домашние задания в каникулы — это не совсем то, что делает некроманта некромантом, — продолжал Виктор Вагнер. — В Зале Славы вы можете увидеть портреты великих некромантов прошлого. Большинство из них показывали довольно посредственные знания теории, но в практической работе им не было равных.

Лилька подняла руку, как примерная ученица.

— Что вы хотели спросить?

— Но там, в Зале Славы, есть и портрет вашего деда, магистра некромантии Рихарда Вагнера, — сказала девушка. — Неужели он тоже...

— Это к делу не относится, — быстро ответил профессор, и девушка сделала мысленную пометку на будущее.

Оказывается, непробиваемого преподавателя тоже можно смутить. Видимо, в молодости его дед был тем еще сорвиголо-

вой. Значит, и внук тоже способен на безумства. Дело за малым — во время практики подвинуть его на такие безумства.

— А мне кажется, что относится, — храбро заявила она. — Ведь кто знает, что предложит нам жизнь. Вдруг уже завтра произойдет то, что заставит взглянуть на привычные вещи с неожиданной стороны?

Улыбка на губах профессора стала заметнее.

— А вы правы, студия Зябликова, — неожиданно сказал он. — Именно так все и происходит. Но чаще всего практика показывает, что подобные неожиданности не совсем приятны. И главное, надо быть достаточно наблюдательным для того, чтобы успеть вовремя распознать надвигающуюся опасность и принять меры для ее предотвращения.

С задней парты донеслось чье-то хихиканье, и Лилька почувствовала, как у нее вспыхнули уши. После чего жар, вопреки законам природы, перекинулся на щеки. Ах, значит, он ее раскусил? Ну ничего! Мы еще поборемся! Так даже интереснее!

— В работе некроманта — да, внезапно восставшие из могилы мертвецы или массовое разуспокоивание кладбища действительно означает большие проблемы, — произнесла она. — А в жизни? Неужели сюрпризы, которые преподносит жизнь, всегда неприятны?

— Не всегда, согласен, — помолчав, ответил профессор. — Но, как правило, они носят двойственный характер. Вот для меня, например, приятным сюрпризом явилось ваше умение рассуждать. Обычно в теории вы выказывали весьма посредственные результаты, а тут... Приятно удивлен... Но вот выбранная вами тема больше подходит для бесед с пра Гонорием, чем со мной. И посему давайте закончим обсуждение.

«Ага. — Лилька мысленно хищно потеряла руки. — Уходите от ответа, господин профессор. Значит, чувствуете свою слабость! Поднажмем!»

— Но ведь личная жизнь некроманта тоже связана с его работой, — попробовала продолжить она.

— Хватит, Зябликова, — обошелся без обычного «студия Зябликова» профессор. — Об этом, если возникнет желание, можно поговорить после практики. А пока прослушайте краткий курс техники безопасности. До отъезда на практику у вас остается три полных дня, из них два приходятся на выходные. Все эти дни вы должны посвятить подготовке, хотя и занятий сегодня и завтра никто не отменял. Я сейчас дам вам список вещей, которые будут необходимы вам при работе. Постарайтесь их приобрести,

купить или взять напрокат. — Он зашуршал разложенными на столе бумагами. — Также вам вменяется в обязанность за оставшийся день сдать все имеющиеся задолженности и вернуть в библиотеку книги. В обмен на книги вы получите несколько методичек, вот они-то на ближайшие два месяца и станут вашими учебниками. Не беспокойтесь, сданные книги вы потом получите обратно, поскольку вам предстоит готовиться к выпускным экзаменам. Заодно я составил список предметов, которые категорически запрещено брать с собой в поездку.

— В поездку? — чуть не взвизгнула Лилька.

— А вы как хотели? Практические занятия предполагают выезд за пределы Зверина.

— И вы будете с нами все два месяца?

— Не совсем. На столь долгий срок мне вряд ли разрешат оставить кафедру — не забывайте, что у младших курсов еще месяц продолжаются занятия, а потом им предстоит месяц экзаменов. Так что, скорее всего, я отвезу вас на место и оставлю на попечение местных некромантов, но буду навещать время от времени.

За спиной послышалось ехидное хихиканье — ее соперницы тихо праздновали победу. Лилька сжала кулаки. Ну ничего, она им еще покажет!

— Вам уже лучше, студиязус Белла? — тут же раздался голос Виктора Вагнера. — Может быть, пойдете по своим делам?

Теперь пришел черед улыбаться самой Лильке. Нет, есть в мире справедливость! Три девицы на задней парте смущенно залепетали, что они, пожалуй, еще чуть-чуть посидят, самую малость...

— Хорошо, посидите, — неожиданно покладисто согласился профессор. — Но если вы опоздаете...

— Нет-нет, что вы! Мы следим за временем! — хором принялись уверять его. — Еще пару минуточек...

— Отлично. — Виктор Вагнер махнул рукой своей группе. — Подойдите и получите списки того, что вы должны приобрести и сделать за оставшиеся три дня.

Лилька «вежливо» поднялась первой. Пусть парни лишний раз продемонстрируют свое хорошее воспитание, пропустив девушку вперед. Она подошла и, взяв листок, уже открыла рот, но профессор нетерпеливо отмахнулся — мол, не задерживайте. Девушка отошла, но тут же сообразила, как привлечь внимание преподавателя.

Вернувшись на свое место, она сделала вид, что внимательно читает список.

— Мэтр Вагнер! — вскинула руку, требовательно помахав ладошкой.

— Да?

— Мне тут кое-что непонятно. Вы можете подойти?

— Что именно вам непонятно? — Он не спеша сошел с кафедры.

— Вот тут в списке... Эти вещи брать обязательно?

— Какие? — Вагнер все-таки подошел и наклонился над листком, который девушка нарочно держала так, чтобы они оказались как можно ближе друг к другу. Ему даже пришлось опереться ладонью на спинку ее сиденья. Подстриженные по последней моде волосы упали на гладко выбритую щеку. Лилька даже невольно вытянула губы трубочкой — так ей захотелось поцеловать мужчину. И от него исходил такой приятный запах... Цветы и мускус... мм...

— Вот это. — Она наугад ткнула пальцем в список.

— А что вас не устраивает в наличии сапог и теплого плаща?

— Но они же тяжелые! Если тащить еще и их, то...

— Студиозус Зябликова, смею вам напомнить, что это — одежда. Одежду вы наденете. Я понятно объясняю? Впрочем, если вам угодно, можете пройтись по кладбищу в туфлях.

— Извините. — Она захлопала ресницами. — Я просто подумала, что... Какой у вас одеколон интересный! Хм... — Она потянулась вперед, выразительно пригнувшись, и с некоторым недоумением и удивлением заметила на его лице признаки растерянности и даже какой-то обиды.

Потом на глаза профессора навернулись слезы. Он сделал еще один глубокий вдох и внезапно чихнул.

— Что с вами? — Лилька заботливо схватила его за запястье. — Вы простыли? А как же наша практика?

Виктор Вагнер помотал головой, сисясь отодвинуться, но расчихался так, что вырваться не смог.

— Вам нехорошо? — уже начала беспокоиться девушка, хотя внутри у нее все ликовало. Вот сейчас она проявит себя такой заботливой, нежной, любящей, что сердце симпатичного холостяка дрогнет.

— Мне... нет. — Виктор Вагнер закрыл лицо свободной рукой. — У вас дома есть какое-то животное, студиозус Зябликова?

— Э-э... кошка... кот.

— Кот? — Из глаз профессора брызнули слезы, и он вывернул кисть, освобождая руку. — Кот! У меня аллергия на кошачью шерсть!

Махнул на ошеломленную студентку рукой, чихнул еще раз, потом захрипел, словно ему перестало хватать воздуха, и со всех ног бросился к окну, распахивая створку и высовываясь наружу чуть ли не по пояс.

— Профессор! Профессор, что с вами? — Все студенты сорвались с места, кидаясь к преподавателю. Анна Белла спешила впереди всех.

— Не подходите!

Тот мгновенно развернулся, отмахиваясь от доброхотов.

— Оставайтесь на местах! Слышите?

Девушки и юноши замерли, с безопасного расстояния глядя, как их преподаватель чихает и трет воспаленные глаза. Вдруг вспомнилось, что практические занятия, на которых приходилось работать с подопытными животными, всегда проводил кто-то из младших преподавателей или аспиранты, а сам заведующий кафедрой никогда и близко не подходил к вивариям и лабораториям, где содержались многочисленные крысы, кошки, кролики. И только со змеями, ящерицами и жабами он иногда работал, к вящему удовольствию студентов. Теперь эта странность получила свое объяснение.

— Прошу меня извинить, — сказал Виктор Вагнер, когда немного успокоился и торопливо отпил что-то из небольшой бутылочки, которую достал из кармана профессорской мантии. — Вы, студиозус Зябликова, по большому счету не виноваты, поскольку держать в доме животное никто вам не вправе запретить...

— Левиафан не животное, — заспорила Лилька. — Он... мой покровитель.

— Покровитель? В самом деле? — вяло заинтересовался профессор.

— Да. Мне его подарила бабушка, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Она... была со странностями, почти ни с кем из нашей семьи не общалась, кроме моей матери. А потом как-то раз зазвала меня в гости и подарила Левиафана. Сказала, что он мне будет помогать...

— И как? Помогает?

Девушка пожала плечами. Пока котенок был маленьким, он действительно был забавным и с ним приятно было играть. Он так сладко мурлыкал, свернувшись калачиком на коленях... Но, когда вырос в здорового рыжего котяру с непростым

характером и обилием густой шерсти, которая лезла постоянно, как ни вычесывай, от него стало больше проблем, чем помощи. Однако Лилька ни за что не согласилась бы расстаться с любимцем, несмотря на то что родители были категорически против и несколько раз предлагали отдать животное в приют. Они успокоились только тогда, когда Лилька заявила, что им придется сдать в приют и ее саму. На помощь пришла бабушка, просто-напросто забравшая семнадцатилетнюю внучку жить к себе. Так они и обитали втроем — бабушка, внучка и рыжий кот. От родителей Лилька совсем оторвалась, с братом и сестрами виделась, лишь когда приходила в гости на праздники, а поступив в восемнадцать лет в Университет некромагии, и вовсе ограничила общение с семьей только письмами. И, приезжая к бабушке на каникулы, не рвалась домой.

— Это очень любопытно. — Виктор Вагнер пришел в себя настолько, что уже снова мог улыбаться, хотя глаза у него оставались красными, а из носа предательски текло. — Но наличие домашнего духа-покровителя свидетельствует о наличии сильного колдовского дара, но почему в таком случае вы пошли на некромантию? Факультет ведовства, как мне кажется, был вам ближе...

Анна Белла и ее подпевалы противно захихикали, и Лилька испытала острое желание навести на них порчу. Желание было настолько сильным, что девушка сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Нет, сейчас не время и не место! Здесь и сейчас надо было держать себя в руках.

— Ну, ведовство мне показалось скучным и неинтересным, — ответила она. — Там много от прорицания, а мне оно плохо дается...

На самом деле Лилька увидела в приемной комиссии Виктора Вагнера и, как многие девушки до нее, твердо решила, что будет учиться только у этого красавца.

— Понятно. И вы пошли учиться тому, что вам давалось проще и легче, — кивнул тот. — Вас можно понять, но... Но в свете последних обстоятельств я бы посоветовал вам подумать о переходе на факультет ведовства. Понимаю, последний курс, а вам придется вернуться на курс назад и проучиться в университете еще не год, а целых два плюс все каникулы наверстывать программу, но, со своей стороны, готов оказать помощь и содействие. Вас переведут без лишних проволочек. Я могу свести вас с деканом факультета ведовства уже завтра и...

Дальше Лилька почти не слушала. Ей стало страшно. Это что же выходит?

— Вы... меня отчислите? — пролепетала девушка. — Но я... я же успеваю! По всем предметам!

Конечно, она далеко не отличница, но благодаря помощи безотказного Вальки учится лучше многих девушек.

— Да, мне известен табель вашей успеваемости, и поэтому говорю еще раз — проблем с переводом быть не должно. Это чисто формальная процедура.

— Но почему?

— Из-за практики. Практика для будущего некроманта — это все. Боюсь, вы не сможете ее пройти.

Хихиканье за спиной оборвалось. Ее соперницы то ли ужаснулись, то ли онемели от восторга.

— Почему?

— Из-за вашей... хм, наверное, все-таки моей особенности. Я не могу быть вашим руководителем практики, поскольку у меня аллергия на кошачью шерсть. Вы наверняка захотите взять ваше... животное с собой. Нашей группе придется несколько недель провести вместе. Вы, конечно, будете занимать отдельную комнату, но все равно. — Он покачал головой. — Тем более что в уставе университета сказано, что в общежитии запрещено содержать животных, представляющих опасность для здоровья окружающих. Аллергия входит в число опасных заболеваний. Я имею полное право не допустить вас до практики. А это значит, что вы не напишете дипломной работы и не получите диплома о высшем образовании. И о работе по специальности вам в таком случае тоже придется забыть навсегда.

Слова прозвучали как смертный приговор. Лилька сидела ни жива ни мертва.

— Но неужели ничего нельзя сделать? — пролепетала она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Можно, — смилостивился Виктор Вагнер. — Есть три выхода из положения. Первый я только что озвучил: вы переводитесь на другой факультет, учитесь в университете лишний год и получаете диплом вестуньи. Второй: вы договариваетесь с кем-либо из ваших однокурсниц о том, чтобы поменяться с ней местами и проходить практику у другого преподавателя. И третий: избавляетесь от вашего кота.

Молчание за спиной сменилось напряженным сопением. Ну как же! Анна уже спит и видит себя на ее, Лильки, месте и только и ждет, чтобы та согласилась. А вот фигурки!

— Я могу подумать?

— Думайте. До завтра.

Из учебного корпуса девушка выбралась, еле держась на ногах. Обрушившийся на нее удар был слишком силен. И самое противное, что ее соперницы были рядом, видели ее унижение и теперь только и будут что подкарауливать подходящий момент, чтобы отомстить. Декан поставил срок до завтра. Через несколько часов она должна будет принять решение. Но что делать? Девушка была растерянна и чувствовала себя так плохо, что, завернув в аллею, села на ближайшую скамейку и дала волю слезам, не беспокоясь, что ее кто-нибудь увидит.

Но глупо плакать, если никто не видит твоего горя и не спешит утешить. Надо было что-то делать.

Желудок громким бурчанием напомнил о себе. Лилька встрепенулась. До конца обеда оставалась какая-то четверть часа. Потом столовая закроется до ужина. Нет, ни у кого не отнимут тарелку, пока студент ест, но опоздавших пропускать не станут, и придется терпеть еще несколько часов. Валька небось весь извелся...

Вальтер! Как же она сразу о нем не подумала? Он обязательно что-нибудь придумает! Он такой умный и всегда готов помочь.

Сорвавшись с места, девушка побежала к третьему корпусу университета, где располагалась столовая.

Несмотря на то что обычно в ней могли одновременно завтракать, обедать или ужинать триста человек, сейчас там яблоку негде было упасть. Такое впечатление, что все студенты со всех факультетов и курсов договорились и явились за несколько минут до закрытия. Со стороны раздаточных столов то и дело доносились возмущенные голоса: «Нет котлет! Кончились! Остались только голубцы и вареные овощи!.. Потерпите немного, яйца сейчас доварятся!.. Будет сбитень, будет, уже несут... Кто заказывал хлеб! Получите!»

Лилька растерялась, остановившись на пороге, не зная, в какую очередь становиться.

— Лилия! Лиля! — услышала она.

Девушка обернулась. От столика у окошка отчаянно махал руками Валька.

— Иди сюда! Я для тебя все уже заказал!

Он улыбался во весь рот и сиял, как новенький золотник¹. При виде его улыбки Лильке самой захотелось улыбаться.

Перед Вальтером на столе разместились две порции студенческого обеда и даже салатик с яблоками и грибами.

— Садись. — Парень подвинул ей стул. — Извини, что немного остыло, но...

— Ничего. — Лилька вдруг поняла, что от всех переживаний страшно проголодалась, и с удовольствием схватила ложку. — Не придется полчаса дуть и обжигаться. Ой, Валь, спасибо тебе! Я такая голодная!

Она накинулась на еду, а Вальтер, отложив свою ложку, с улыбкой смотрел, как она ест.

— А у меня для тебя хорошая новость! — нарушил он молчание, когда от Лилькиного супа осталось меньше половины.

— Какая? — Она отправила в рот последнюю ложку супа и придвинула тарелку с котлетами и салатик.

— Я договорился с Земницей и госпожой Ленской. — Вальтер так и лучился улыбкой. — Они согласились поменяться!

— Поменяться на что? — Девушка замерла, перестав жевать.

— Ну, госпожа Ленская сказала, что мы отправимся на практику в Брезень, а я вспомнил, что Земниц из того же воеводства, — пустился в объяснения юноша. — Вот я и подумал, что ему будет приятно оказаться в двух шагах от родного дома. Ну, на выходные в гости съездить и все такое... Поймал Земница в коридоре, свел с госпожой Ленской, и они согласились на обмен. Я теперь буду вместе с тобой практику проходить. Ты довольна?

Напоминание о практике и связанных с ней проблемах мигом испортило аппетит. Лилька отложила вилку, прикусила губу. Ну Валька, ну удружил! Кто его за язык-то тянул?

— Лилия, что с тобой? — Тот почувал неладное. — Все хорошо?

— Все плохо. — Девушка с досадой оттолкнула от себя тарелку. — Все просто кошмарно!

— Ты, — лицо юноши обиженно вытянулось, — не рада, что я вместе с тобой практику проходить буду?

— Да при чем тут ты? — взвывала Лилька. — То есть при чем, конечно, здорово и все такое, но... если бы дело было только в

¹ Самая крупная денежная единица, равная десяти злотым.

этом! Практики у меня не будет! И диплома тоже! И вообще... может, меня отчислят уже завтра!

— Тише. — Вальтер накрыл ее руку своей. — Не кричи. Успокойся. Что случилось?

— Все! — всхлипнула Лилька. — Все, и сразу! У профессора аллергия!

— На тебя?

— Дурак! — взвизгнула девушка. — На кошек! У меня блуза Левкой пахнет, а он этого запаха не выносит! И меня то-о-оже...

Слезы, которые, казалось, кончились еще в сквере, полились с новой силой. Вальтер торопливо выдернул из кармана платок, сунул девушке и кинулся ее успокаивать. Постепенно, всхлипывая и причитая, Лилька рассказала ему все.

Юноша вздохнул.

— Значит, ты очень хочешь поехать с ним на практику? — пробормотал он, кусая губу. — А как же... А если пойти к кому-нибудь другому...

— Ты что, совсем идиот? — огрызнулась Лилька. — Я к нему хочу! К Виктору... А тут еще эта задавака Белла... Она все видела и слышала. Я теперь просто обязана сделать все, чтобы остаться в его группе! Валька, милый, ты такой умный, ну придумай что-нибудь, чтобы профессор Вагнер меня не выгнал! Мне очень-очень-очень нужно. Ну пожалуйста! Я знаю, ты можешь! Ну, Валь, ну что тебе стоит? Помоги мне!

Тот сидел, кусая губы и глядя на скатерть, словно пытался в разводах от пролитого накануне чая, жирных пятнах, крошках и морщинках ткани прочесть судьбу, как авгуры гадают по внутренностям жертвенных животных.

— Сколько у тебя времени?

— До завтра.

— Хорошо. — Вальтер решительно накрыл ее руку пальцами и слегка пожал. — Сейчас ты приведешь себя в порядок, мы быстро расправляемся с обедом и идем на нежительство и на зачет по заклинаниям. Потом у нас еще зачет по боевым искусствам...

— Э-эй, боевые искусства мы сдаем завтра! — встрепенулась Лилька.

— Тем более! Времени полно. И ты со всем успеешь справиться.

Обнадеживающие слова Вальтера вернули Лильке аппетит, и она с удовольствием доела уже остывшие котлеты и за-

жевала их салатиком. Как все-таки хорошо, что есть такой друг!

В дверях, выходя из столовой, она почти столкнулась с Анной Беллой и ее верными подпевалами. Соперницы смерили ее презрительным взглядом, но девушка в ответ скрутила фигу от сглаза и быстро, скороговоркой, начала зачитывать заговор от злых духов.

— Ты чего? — Вальтер схватил подругу за запястье, но та вывернула руку и, не сводя глаз с трех девушек, дочитала заговор до конца.

— Ты чего? — повторил юноша.

— Ничего. — Девушка проскользнула в двери. — Будут знать...

— Но они же ничего не сделали!

— Да, но как смотрели! Держу пари, они постараются подстроить мне какую-то пакость!

Юноша бросил через плечо взгляд на уже скрывшихся за чужими спинами студенток, но ничего не сказал.

— Колдовать не на уроках нам запрещено, — осторожно напомнил он немного погодя.

— А кто колдовал? Я? Пойди сперва докажи! Или ты собираешься в Университете некромагии открыть охоту на ведьм?

Вальтер вздрогнул, вспомнив, наверное, что-то из своего отрочества. В отличие от Лильки, он рос в семье, не имеющей отношения к магии, и проснувшиеся у мальчишки способности не только напугали и изумили близких, но и дали повод недругам герцога фон Майнца обвинять его вторую жену в колдовстве. Специальная комиссия, в которую входили также три профессора из университета, доказала, что сама женщина не имеет к колдовству никакого отношения, но в числе ее предков наверняка были ведьмы. В прежние времена это почти наверняка означало крупные неприятности для всей семьи, арест и конфискацию имущества в пользу короны, а так отделались легким испугом и тем, что у одного из отпрысков герцога не осталось выбора, кем быть.

— Лилия, — сказал юноша, — ты же знаешь, я буду последним, кто станет тебя обвинять. Но если Белла или Монс пожалуются в ректорат...

— Я читала заговор от сглаза! — отчеканила девушка. — И давай закончим на этом!

Но сама она заканчивать отнюдь не собиралась и всю дорогу до учебного корпуса не переставала думать о том, что пред-

принять. Анна Белла действительно была довольно сильной некроманткой. Ее двоюродный брат, Йозеф Белла, учился на факультете ведьмаков, а еще один брат, Ангел Белла, в позапрошлом году получил диплом мага-ветеринара, третий из этой семейки, Александер Белла, учился на алхимика. Уже три или четыре поколения магов из династии Белла выпустило это учебное заведение, бывшее когда-то скромным Колледжем некромагии. Можно сказать, эта фамилия была золотыми буквами вписана в историю университета, и портрет прадеда Анны — Йоза Беллы любой мог увидеть в Зале Славы. Но предков Лилии Зябликовой или Вальтера фон Майнца там отродясь не было. А это значит, что в случае конфликта ей придется как следует постараться, чтобы справиться с соперницей. Но на что только не пойдешь ради любви!

К сожалению, выяснилось, что и Анна Белла тоже не собиралась забывать о случившемся.

Зачет по заклинаниям должен был проходить не в аудитории, а в полуподвальном помещении, освещенном несколькими факелами и старинными светильниками. Из довольно просторной комнаты были загодя вынесены все предметы, которые могли загореться от шальной искры, пол густо посыпан песком, а по углам поставили бочки с водой. Решетки на узких, чем-то похожих на тюремные, окошках буквально искрились от наложенных на них охранных чар. Поговаривали, что когда-то это помещение в самом деле использовалось как тюрьма — в те времена, когда для студентов еще в ходу были телесные наказания. Потом, с принятием нового закона и переводом колледжа в статус института, перекрытия между камерами разломали, в здании сделали ремонт и теперь тут учились, вместо того чтобы отбывать наказание.

Преподавательница заклинаний мэтресса Коваль была высокой сухопарой женщиной и держалась так прямо, словно боялась, что вот-вот сломается. Но это не мешало ей двигаться легко и быстро, словно за спиной у нее были невидимые крылья.

— Все личные и лишние вещи оставляем за порогом! — отчеканила она, указывая на тамбур, где одна на другой сейчас громоздились парты и стулья. — С собой берем только свои мозги.

— Одежду снимать? — пошутил кто-то из парней и покосился на девушек — как они отреагируют на шутку.

— Вам — да. На всеобщее обозрение, — кивнула мэтресса. — Встанете в середине, чтобы каждый мог вас видеть. Хотя сомневаюсь, что созерцание вашей задницы доставит хоть кому-то удовольствие. Попки младенцев приятны на ощупь только матерям этих младенцев.

Шутник побагровел и поспешил спрятаться за спины остальных.

— Верхнюю одежду, однако, придется снять, — тут же уточнила госпожа Коваль. — И закатать рукава блуз и рубашек. Амулеты, если не хотите оставлять тут, можете сдать мне на хранение. — Она похлопала рукой по большой холщовой сумке, висевшей на гвоздике у двери.

Выполнив ее распоряжения, вся группа встала по кругу в комнате. Песок поскрипывал под ногами. Мэтресса Коваль прошла в середину, повернулась кругом, оценивая студентов.

— Отлично, — резюмировала она. — Начнем, пожалуй. Монс, Майнц, два шага вперед!

Вальтер подмигнул девушке и покинул круг.

— Для вас первое задание — нанести на стены защитные заклинания. Учтите, от качества вашей работы будет зависеть жизнь ваших товарищей.

Ого! Студенты переглянулись. Зачеты по теории и практике применения заклинаний они сдавали уже несколько раз, и всегда преподаватель придумывала что-то новенькое.

Переглянувшись, Валька и Людмила пошли вдоль стен в разные стороны, время от времени приостанавливаясь и совершая пассы. С их пальцев срывались искорки, которые не таяли, если успевали долететь до стен. Тогда они оседали на камнях и начинали пускать во все стороны тонкие нити, которые извивались, словно усики каких-то диковинных растений, переплетаясь между собой и образуя причудливую вязь защитных заклинаний. Мэтресса Коваль молча наблюдала за происходящим, но, когда Людмила на миг замерла, а ее подруга Яна Терчева дернулась было подсказать, так выразительно хмыкнула и шевельнула бровью, что девушка осталась на месте, кусая от волнения губы.

Обойдя помещение по периметру, студенты заняли свои места в круге, и Лилька не преминула шепнуть другу:

— Ты ни разу не сбился, а Монсиха наделала ошибок!

— Вы в этом уверены, студиозус Зябликова? — тут же слышался голос наставницы.

— А... э-э... ну да! — пролепетала Лилька, удивленная тем, что ее услышали.

— Если это так, то не будете ли вы столь любезны поправить вашу подругу? — Мэтресса Коваль сделала приглашающий жест.

Теперь все взгляды устремились на Лильку, и она покинула круг. Ей, мгновением раньше следившей затаив дыхание за действиями выполняющей задание пары, не составило большого труда заметить, где именно сбилась Людмила. Плетение там вышло неаккуратным, несколько «нитей» легли криво, и пришлось их развезать, чтобы уложить заново.

— Грубовато и чересчур расточительно в плане расхода энергии, но в целом верно, — кивнула мэтресса. — Это все?

Лилька скользнула взглядом по стене:

— Все.

— Хорошо. Студиозус Бóрец! Где студиозус Зябликова допустила ошибку?

Ой! Лилька невольно вздрогнула, а Анна Белла и Людмила Монс захихикали.

— Студиозус Белла! — тут же последовал окрик. — Если вы считаете себя такой умной, найдите ошибку в плетении студиозуса фон Майнца!

Теперь пришел черед бледнеть Вальке. Он даже закусил губу, когда Анна выступила вперед, протягивая руки ладонями вверх, чтобы лучше чувствовать переплетение потоков энергии. Что до Бореца, то парень справился за считанные секунды, уверенно указав на еще одно слабое место — там все было сделано правильно, но нити уложены слишком редко, что давало лазейку для тех, кто попытался бы прорвать защиту. Несколькими пассажами он усилил защитное поле и вернулся на свое место, заслужив одобрительный кивок.

— Вот тут! — воскликнула Анна, дойдя до дальнего угла. — Тут ошибка! Я нашла!

Вальтер еле заметно покачал головой и нахмурился.

— Уверены? — не обратила на него внимания мэтресса Коваль. — И в чем она выражается?

— В том, что тут стык двух стен. И, если заклинание попадет точно в угол, два слишком близко наложенных заклинания могут детонировать и разрядиться друг на друга. — Девушка на пальцах показала, в какую сторону хлынут потоки энергии. — Может обрушиться все здание.

— Да, — к явному неудовольствию Вальтера, кивнула наставница. — Однако ошибку можно исправить. Сделайте это, студиозус Белла!

Анна одарила и Лильку, и ее приятеля победной улыбкой и повернулась к стене. Подняла руки, растопыривая пальцы, начиная тихо распутывать заклинание.

— Не молчите! — распорядилась наставница. — Комментируйте ваши действия вслух, чтобы и остальные поняли, в чем тут дело!

— Исправить ошибку можно разными способами, — начала девушка. — Можно попытаться распутать все плетение и переделать его заново, но это долго...

— И затратно в плане расхода энергии, — кивнула мэтресса Коваль. — Впрочем, этот пункт можно обойти...

Голос ее замер на вопросительной ноте, и Анна с готовностью подхватила мысль, спеша блеснуть познаниями:

— Можно обойти, если заранее озаботиться наличием накопчивающего чары амулета. Защитного или атакующего — не важно. Его можно просто разрядить, чтобы подпитаться высвободившейся силой.

— Хорошо, но если у вас нет ни того, ни другого?

— Можно просто наложить сверху другое плетение, которое оттянет на себя ненужные энергетические потоки, и в критический момент энергия потечет именно по этим нитям, — ответила Анна, не прерывая работы.

Лилька даже завистливо вздохнула — что руки, что язык ее соперницы двигались легко и непринужденно. Валька угадал ее чувства и тихо пожал девушке запястье, но она вырвала руку. Вот только жалости ей сейчас и не хватало! Что бы такое сделать, чтобы ткнуть соперницу носом в грязь?

— Можно использовать любое плетение? — последовал новый вопрос.

— Нет, — быстро пришел ответ. — Проще сделать стандартную «паутинку»... — На последнем слове Анна опустила руки и отошла в сторону.

— Которую вы нам сейчас и продемонстрировали. — Мэтресса Коваль подошла ближе, немного наклонилась, изучая работу студентки.

Заклинание «паутинка» действительно по форме напоминало паутину паука-крестовика, только в отличие от нее всегда имело идеальную форму и имело ровно двенадцать несущих

нитей, которые сейчас, в сумерках подвала, поблескивали голубоватым светом.

— Отличная работа, студиозус Белла. Займите свое место... Нет, рядом со мной. Вас, студиозус фон Майнц, я тоже попрошу выйти из круга.

Юноша нахмурился, но послушался. Они остановились справа и слева от наставницы, через плечо бросая друг на друга настороженные взгляды. Остальные тоже не сводили с них глаз.

— Студиозусы Белла и фон Майнц уже сдали зачет, — снизошла до объяснений мэтресса. — Точно так же, как студиозус Монс и студиозус Борец, — выдержав драматическую паузу, добавила она. — Присоединяйтесь к вашим товарищам, подходите, господа студиозусы!.. Что же до всех остальных, то вам еще предстоит увлекательное приключение.

Лилька бросила нервный взгляд по сторонам. Она так привыкла к тому, что рядом с ней всегда безотказный Валька, что сейчас растерялась. И ведь не оглянешься на него! Стоит бросить взгляд через плечо, это станет всем заметно.

— Вы, господа студиозусы, — наставница не спешила приближаться, оставаясь вне круга, — сейчас, не сходя с места, должны выбрать себе противника из тех, кто стоит напротив вас, не указывая на него ни взглядом, ни подавая какого-либо знака. Кого изберете — не важно. По моему знаку вы атакуете его любым заклинанием не сильнее второго порядка, одновременно пытаясь защититься от ответного выпада. Какое заклинание вы используете — это ваше право. Мы изучали по меньшей мере... сколько? Терчева?

— Есть четырнадцать разных атакующих заклинаний второго порядка, — бойко начала та, — двадцать шесть заклинаний третьего порядка и...

— Достаточно! Выбор у вас огромен. Задача — заставить противника признать свое поражение и сдаться.

— А как мы узнаем, что он сдался? — пискнула самая маленькая в группе девушка, Алла Бурякова.

— Достаточно просто сказать: «Сдаюсь». Тот, кто будет продолжать атаки после этого, зачета не получает!

— А защищаться?

— Для защиты вы можете использовать обычные щиты... которые мы тоже изучали несколько занятий. Условие одно: юноши должны атаковать девушек заклинанием только третьего и четвертого порядка. То же касается девушек, если они

атакуют друг друга. Второй порядок — только если ваш выбор пал на лицо мужского пола.

Означенные «лица» немного напряглись. По традиции, парней всегда среди некромантов было больше, и сейчас в круге на двадцать пять парней было всего лишь шесть девушек.

— Наши судьи будут смотреть, кто из вас нарушает данные условия, — сказала мэтресса.

Лилька покосилась на Яну Терчеву и спросила:

— Вопрос можно?

— Да.

— А атаковать можно... кого угодно?

— Да, но только из тех, кто стоит напротив.

Из девушек напротив Лильки была только Аглая Борецова. Ее брат, получив свой зачет, должен был исполнять обязанно-сти судьи на этом странном состязании.

— Судьи по местам! — прозвучал приказ. — Начинаем на счет «три». Раз... два...

Лилька порывистым движением вздернула на себя щит. Жест получился излишне резким, парень рядом с ней даже шарахнулся в сторону, чтобы его не задело, и искрящаяся молния прошла воздух точно между ними, слегка отклонившись от прямого пути там, где ей пришлось скользнуть по краю Лилькиного щита. Ну Аглая! Ну тихоня! За что? Вот я тебя...

Девушка сложила пальцы щепотью и метнула в противни-цу «путы перепелки». Аглая Борецова взмахнула руками, словно пыталась взлететь. Ноги ее впрямь на пару мгновений оторвались от земли, после чего она неловко шлепнулась на песок и тут же кубарем откатилась в сторонку. «Путы перепелки» одновременно связывали в узел то заклинание, которое начинал формировать маг, и в качестве побочного эффекта сперва отрывали его от земли, лишая уверенности в себе, а потом столь же резко заставляя приземлиться.

— Борец! На место!

Властного окрика послушались оба — брат, уже кинувшийся на помощь сестре, сделал шаг назад, а сама Аглая вскочила на ноги, попутно натягивая на себя щит. Лилька попыталась пробить его стандартным «кулаком» — просто так, чтобы не стоять столбом в ожидании, пока ее осенит. «Кулак», как и следовало ожидать, легко отскочил от щита.

Рядом темноту подвала вспарывали вспышки световых заклятий. Чья-то молния отскочила от уверенно выставленного щита и ударилась в стену. Защитные чары, которые только что

накладывали Вальтер фон Майнц и Людмила Монс, вспыхнули ярко-зеленым светом.

— Первый уровень! — раздался голос мэтрессы Коваль. — Люблинец! Выйти из строя!

— Но я ничего не...

— Выйти! Вон! — В пальцах наставницы заплясал огненный шар. — А вы что стоите? — напустилась она на судей. — Ваше счастье, что этот придурок промахнулся! Студиозус Люблинец! Ну?

Третий раз повторять не пришлось. Парень попятился, снимая щиты и примирительно поднимая руки:

— Я случайно! Увлёкся... Я не хотел...

— Ваше счастье, что ваша меткость оставляет желать лучшего, а качество чьей-то работы, наоборот, заслуживает всяческих похвал, — ледяным тоном процедила наставница. — Поэтому вы просто явитесь ко мне на пересдачу. Завтра в это же время... Остальные что застыли? Продолжать! Еще не все сдались!

Лилька бросила взгляд на Аглаю. Не сдались? Ну сейчас кто-то завоюет о пощаде! Девушка обрушила на противницу каскад мелких, но стремительных атакующих заклинаний четвертого порядка. По отдельности заклинание каскада не несет разрушительной силы, но, когда они буквально выстреливают одно за другим, рано или поздно могут пробить любой щит, тем более что каскад можно замкнуть в «кольцо», и оно будет срабатывать механически до тех пор, пока у его создателя хватит сил и желания поддерживать его.

Но девушка не успела замкнуть «кольцо», когда почувствовала, как невидимая рука сдавила ее за бока.

Удар пришел... сбоку? Она попыталась отмахнуться, вырваться из постепенно сжимающихся тисков, но каждое ее движение только усиливало зажим. «Гроб упыря», атакующее заклинание второго порядка. Самопроизвольно срабатывает и подпитывается от энергии сопротивляющейся жертвы. Перебить его можно только одним способом — полностью прекратить сопротивление. Упыри обычно не умеют думать и продолжают бороться до тех пор, пока их буквально не расплющивает. А когда туловище превращается в месиво из костей, внутренностей и кожи, тут особо не подергаешься. На практике в прошлом году студентам показывали, что бывает с нежитью под действием «гроба». Половину девчонок и двух парней

стошнило прямо там, остальные в тот день отказались от обеда и ужина, а кое-кому еще пришлось на ночь пить снотворное, чтобы кошмары не мучили. Неужели ее тоже...

Нет!

В глазах потемнело от боли и удушья, но Лилька упрямо вскинула руку, наугад мазнув по стоящим сбоку парням и девушкам. Сноп искр сорвался с ее пальцев, ударяясь о щиты и на миг ослепляя добрую четверть группы.

— Дура! Что творишь? — слышались крики. — Совсем с ума сошла?

— Студиозус Зябликова? Выйти из...

— Не могу, — прохрипела Лилька. Отдача от «гроба» все еще ощущалась. Грудина впилась в желудок так, что казалось — еще миг, и она его пропорет. — Это «гроб»...

— И что? Вы не знаете, как от него защититься?

— Знаю...

— Так защищайтесь... Нет, студиозус фон Майнц, вы остаетесь на месте!

Легко сказать «защищайтесь»! Для этого надо полностью прекратить сопротивление — вплоть до того, чтобы снять все щиты, лечь пластом, не шевелить ни единым членом, постараться не дышать и даже ни о чем не думать — не то что пытаться ответить нападающему. Это трудно, а для нежити и вовсе невозможно. Да и среди людей мало есть таких, кто откажется от борьбы за свою жизнь, сумеет переступить через инстинкт самосохранения. «Гроб» как раз на это и рассчитан.

— Падай!

— Майнц, молчать!

— Падай, Лилька!

Ноги подогнулись, и девушка рухнула на пол. Больно ушиблась обо что-то локтем, взвыла, невольно дернувшись, и тут же подавилась криком — от невольного резкого рывка на нее навалилась такая тяжесть, что кости захрустели. Стиснув зубы, зажмурившись и чувствуя, как из-под век бегут слезы отчаяния и боли, она приготовилась к... смерти? Глупо. Страшно. Невероятно. Что стоит мэтресса Коваль? Почему ничего не предпринимает? У нее на занятии прямо сейчас скончается студентка четвертого... почти уже пятого курса, а она...

Впрочем, что — «она»? Не секрет, что в университете время от времени происходили несчастные случаи, зачастую со смертельным исходом. То студенты решат провести эксперимент в

комнате и разнесут половину этажа так, что рухнувшими перекрытиями задавит нескольких человек, то перепутают заклинания и вместо целительного произнесут родовое проклятие, то на практике сунутся под горячую руку и получают травму. А то и какой-нибудь упырь или вурдалак разорвет практиканта... Бывали, хоть и редко, случаи, когда студенты калечили друг друга намеренно: то мстили за что-то, то просто радовались возможности почувствовать себя настоящим Темным Властелином... Ни один выпуск не обходился без такого случая, и кроме Зала Славы существовал еще и Зал Позора, где были выставлены портреты тех студентов, чьи действия привели к человеческим жертвам. Неужели и она, Лилия Зябликова, тоже пополнит список жертв? И чей тогда портрет появится в Зале Позора? Кроме того случая на первом курсе, когда один из мальчишек случайно оказался слишком близко от очередного «экспериментатора», с ее однокурсниками пока ничего трагического не происходило. Но это пока...

От гулкого шума крови в ушах Лилька не слышала, что происходило вокруг. Только поняла, что действие «гроба» закончилось. Боль какое-то время нарастала, а потом пошла на убыль. У нее получилось? Похоже, что да. Теперь шаг второй. Осторожно сосредоточиться и...

Думать следовало тоже с опаской, ибо существовала модификация «гроба» для мыслящих существ, а ведь большинство заклинаний сначала продуцируется в голове, и вспышку мозговой активности тоже можно принять за сопротивление организма. Поэтому часто советуют «не думать ни о чем». Лилька вот отвлеклась на воспоминания...

Атака!

От волнения девушка применила простую «волну» — исключительно силовое заклинание, от которого всех студентов просто оттолкнуло в разные стороны. Кто-то лишь отступил на шаг, кто-то шлепнулся на задницу, а кто-то чуть не отлетел к стене. Задело всех, и хотя никто не получил травм — ушибленные локти и колени не в счет, — Лилька наслушалась о себе много лестного, пока поднималась на ноги.

— Ну ты того! Даешь! — Петр Варяжко, белобрысый художавый парень, покачал головой. — Вот уж не думал...

— Не думал, что выживу? — напустилась на него Лилька. — Поэтому и «гробом» решил меня припечатать?

— Я? Ты с ума сошла! Зачем мне в тебя «гробом» кидаться? Я и стоял-то сбоку...

— Именно! А «гроб» сбоку и прилетел!

— И все равно это не я! Сама подумай: зачем мне это?

Но Лилька уже и сама поняла, что сморозила глупость. С Петром они не ссорились, общались, как все, замечая друг друга постольку поскольку. И заклинание прилетело с другой стороны... Нет, это не Петр. А кто?

— Ты в порядке? — Валька мигом оказался рядом, поддерживал за локоть. — Сильно досталось?

— Не знаю.

— Сходите в медцентр, студиязус Зябликова, — непререкаемым тоном сказала наставница. — Немедленно! Занятие окончено.

Мэтресса Коваль была так спокойна, словно это не на ее уроке одна из студенток чуть не рассталась с жизнью. Впрочем, ее можно было понять: зачет для того и устраивается, чтобы проверить силу и способности молодых людей. Кроме того, почти пятый курс — это не первачки, которые ничего не умеют. На первом курсе даже нет такого предмета — заклинания, только факультатив со второго семестра. И если кто-то из старшечурсников на зачете или экзамене получил травму, значит, сам виноват, надо было весь год заниматься.

— Я сдала? — подумала об этом Лилька.

— Она сдала? — эхом повторил ее вопрос Вальтер.

— Да, сдала. Все сдали. — Голос мэтрессы Коваль чуть дрогнул. — И, пожалуй, такого давно не было в моей практике, но из вашей группы никто не явится ко мне на пересдачу!

Это заявление было встречено таким громким воплем, что наставница тут же пригрозила отменить свое решение и устроить переэкзаменовку для тех, кто орет громче всех. После чего вся группа разом замолчала и поспешила убраться из подвала на вольный воздух. Неожиданно для себя помилованный Люблинец бежал впереди всех.

Вальтер решительно взял Лильку под локоть и потащил в сторонку.

— Ты вся бледная, — сказал он. — В темноте не разглядеть, а на свету просто смотреть страшно. Все в порядке? До медцентра сама дойдешь или тебя отнести?

— А тебе бы меня только полапать? — фыркнула девушка.

— Да ты чего? — тут же обиделся юноша. — Как ты могла такое подумать?

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	5
ДЕНЬ ВТОРОЙ	55
ДЕНЬ ТРЕТИЙ	156
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ	264
ДЕНЬ ПЯТЫЙ. <i>(Вместо эпилога)</i>	366